Слепой Исаак

Автор SlutWriter

"Рич, спасибо за встречу", - сказал Кэл Стерлинг, его голос был одновременно деловым и знакомым. Он был одет в костюм цвета индиго с белой пуговицей и горчично-желтым галстуком, к середине которого была прикреплена булавка в форме Креста Господня. Карманный платок был аккуратно сложен, а волосы недавно уложены в прическу. Он выглядел как пастор с большими деньгами, каким он себя воображал, и для данной работы именно такое впечатление он и хотел произвести.

Человек, с которым он здоровался, Рич Терлис, был таким же непритязательным и яйцеобразным, как и импозантный Кэл. Он пожал протянутую Кэлом руку. Он был лысым, с редеющими волосами по бокам и на затылке. Его свиные щеки свисали вниз к шее, которой на самом деле не было; рубашка-поло была не горчично-желтой, а скорее с горчичным пятном. Ремень напрягался, чтобы удержать его круглый живот в джинсах. Да и вид у него был какой-то нервный - Кэл это сразу уловил. Ему хотелось думать, что они дружат - Рич много лет ходил на службы в церковь Божественной Пятидесятницы, - но сейчас что-то раздражало этого невысокого, круглого человека.

"Конечно", - сказал Рич. "В любое время, Кэл. Ты знаешь, мы с Джулией... мы всегда рады помочь, если можем". Рич держал в пухлых пальцах папку. Он работал в отделе по работе с детьми, как и его такая же яйцеобразная жена. Именно они порекомендовали агентство по усыновлению, через которое Кэл и Ванесса усыновили Бобби. Тогда он, конечно, был достаточно общительным, но сейчас выглядел нерешительным, а его пальцы играли с папкой, как будто ему было неудобно ее держать.

"Это все?" спросил Кэл и жестом указал на папку. Они находились в кабинете Рича, захламленном помещении, где были сложены бланки и папки, на столе стоял пожелтевший компьютер, который, казалось, был создан еще в каменном веке, кружка с кофе и фотографии Рича в форме яйца, жены Джулии в форме яйца и их детей, которые вскоре должны были стать яйцеобразными, судя по цвету кожи, они были смесью биологических и приемных детей. Кэл знал одно: если они будут питаться стряпней Джулии - она часто приносила на церковные распродажи и обеды еду, в большинстве своем невероятно жареную, - то очень скоро станут похожи на своих родителей.

Он сел перед столом Рича и поднял брови, так как Рич смотрел вниз и выглядел

обеспокоенным.

"Ну?" спросил Кэл. Он уже терял терпение от всей этой ситуации.

"Да", - наконец ответил Рич, усаживаясь напротив него. "Да, это тот самый файл, Кэл. Но я должен сказать тебе..."

"Что? Какие-то проблемы?"

"Эти записи были опечатаны. Ты знаешь, он несовершеннолетний", - сказал Рич, сжимая папку в руке. "По идее, у меня их вообще не должно быть. И если Джулия узнает, что я это делаю..."

Кэл ослепительно улыбнулся. "Это создаст для нее проблемы? Рич, что может быть более христианским, чем помочь отцу понять своего сына? Бобби трудно адаптироваться, и мы с его матерью думаем, что это связано с тем, что произошло в его прошлом. Мы просто хотим понять

это". Он включил все свое пасторское обаяние. "Знаете, нам с Ванессой нужно зайти к вам в гости, чтобы попробовать что-нибудь из этой прекрасной кухни. Наши семьи уже давно не были вместе. Можешь передать ей, что я так сказал. Как я и говорил в своей проповеди на прошлой неделе".

Рич на мгновение стал выглядеть еще более неловким, а затем вздохнул и заговорил тихим южным голосом. "Кэл, я должен сказать тебе, что мы с Джулией не ходили на службы последние пару недель. То, что случилось с той старухой, сильно потрясло Джулию".

Кэл контролировал свою реакцию, но с большим трудом. После нескольких недель работы по устранению последствий он совершенно устал слышать о смерти мисс Карлайл. Посещаемость и пожертвования упали более чем на двадцать процентов, а местный репортер все вынюхивал, пытаясь представить все это как манипуляции и бессердечие с его стороны. Он находился в кризисном режиме, пытаясь успокоить свою паству, и напоминания о том, каким сокрушительным ударом стала ее ужасная смерть, не улучшали его настроения. "Ну что ж, Рич, ты же знаешь, что тебя не хватает не только прихожанам. Твое отсутствие ощущает и Бог", - справился Кэл.

"Эта старуха, - сетовал Рич, возившийся с папкой. "Я все время вижу ее, Кэл. Она приходила и так много давала в тарелку для пожертвований, и вот так умереть... это ужасно". Он покачал головой и отогнал от себя эту мысль, что вполне устраивало Кэла. На самом деле он решил применить новый подход, если сердечный приступ старой бабки так беспокоит старого доброго Рича Терлиса. Может быть, она съела слишком много жареной курицы твоей толстой жены, от которой лопаются артерии, - кисло подумал Кэл.

"Бобби было особенно тяжело это видеть", - соврал Кэл. Он уже был уверен, что Бобби, видя, как земля отдает своих мертвецов на растерзание, даже не моргнет. "И мы с Ванессой... знаете, мы ищем новый способ заставить его открыться. Мы думаем, что это может быть связано с какой-то травмой из его прошлого, но, не зная подробностей, мы не можем заставить его открыться".

Рич посмотрел на папку, затем снова на Кэла. Кэл увидел, как изменилось выражение его лица, и понял, что попал в точку. У печального Рича Терлиса было мягкое сердце, он не мог отказать человеку от Бога в возможности пообщаться со своим сыном, даже если это не совсем законно - раскрывать документы на несовершеннолетнего. "Ну, понимаешь, Кэл, здесь было уголовное разбирательство. И, я имею в виду... в этой папке есть материалы суда. Показания и все такое. У меня могут быть серьезные неприятности".

Кэл становился еще более нетерпеливым, но он понимал, что близок к цели, и продолжал очаровывать. "Конечно. Я понимаю, Рич. И меньше всего мне хотелось бы, чтобы ты попал в беду. Но есть законы Божьи и законы человеческие. И закон Божий гласит: помоги ближнему своему". Вообще-то Кэл часто выступал с проповедями о том, что хиппи, Иисус, помогающий всем, - это неправильное толкование Библии, но в данном случае он решил, что религиозный призыв к действию - это то, что хотел услышать Рич Терлис.

Наступило молчание, и Рич опустил папку на стол. "Я не могу отдать вам папку".

Глаза Кэла сузились и нахмурились. "Но..."

"Оно не может покинуть этот офис", - уточнил Рич, приняв серьезный вид. "И ты не можешь его прочесть. Но... я видел его. И если я буду говорить о том, что в нем, а вы будете подслушивать, что ж - с такой вещью ничего не поделаешь".

Кэл откинулся в кресле. "Верно," he said. "Я мог бы просто разговаривать сам с собой, задавать вопросы. А ты, возможно, давал бы ответы".

Рич кивнул, и тут его лицо словно ослабло. "У Бобби действительно проблемы, да?"

Кэл с трудом встретил взгляд Рича, боясь, что тот поймет, что за этим последует ложь.

"Да, он... ну, он ведет себя неадекватно".

"О, Боже."

"Была драка. Довольно серьезная".

"Понятно." На лице Рича появилось сочувствие.

Кэл больше ничего не сказал. Он знал, что тот держит его в руках. Он позволит Ричу Терлису заполнить пробелы и выразить свои соболезнования. А потом он узнает все, что ему нужно знать.

В течение последних восьми недель Ванесса завела ритуал - каждый день пить сперму Бобби.

Это началось как нерегулярное принуждение, когда она меняла постельное белье на его кровати, зачерпывая густые, комковатые кучки спермы и слизывая тяжелую массу со своей руки, растирая ее по сиськам, желая почувствовать себя насыщенной ею, - странная форма интимности, когда она изучала рисунки Бобби и эякуляции, которые он оставлял после себя, казалось, для нее. В конце концов, она вошла в комнату, чтобы заменить постельное белье, а Бобби все еще лежал на кровати, играя с портативной видеоигрой или делая наброски.

Вначале Ванесса просто попросила Бобби пересесть и сменить постельное белье, что он с радостью и сделал. Но когда она ушла, не зачерпнув в рот всю эту густую, похожую на желе сперму - когда Бобби был в комнате, на простынях ее не было - она почувствовала такую ноющую пустоту внутри себя, что практически закричала. В таких случаях она запиралась в спальне и неистово мастурбировала - это было единственное, что помогало.

Когда Ванесса в следующий раз зашла в комнату, чтобы заправить постель и навести порядок, Бобби снова лежал на спине, без рубашки, читая книгу - "Повелитель мух" Уильяма Голдинга - и надевая школьные спортивные шорты, застегнутые на бедрах, демонстрируя бледно-смуглую кожу в ее юношеской гладкости.

Толстый длинный пенис ее сына торчал из одного из отверстий на ноге. Бобби не отрывался от книги, а Ванесса занималась своими делами, изредка бросая взгляды на то, как длинный, торчащий член достает до самой штанины его шорт, а затем изгибается и опускается на матрас. Они не обменялись ни словом, ни даже взглядом, пока она собирала его белье и копалась в корзине для мусора (опилки карандашей, сердцевины яблок, скомканные, выброшенные полуфабрикаты рисунков).

Она отвернулась, чтобы взять мусорный пакет и завязать его... и когда она обернулась, то увидела его. Большая, толстая головка члена пульсировала. Из отверстия, открывающегося и расширяющегося, вырывались петляющие, тяжелые нити самой густой, самой смачной спермы, которую Ванесса когда-либо видела. Она не вытекала на покрывало, а стелилась по нему тягучими, студенистыми канатами. В воздухе пахло спермой и серой, и она первой заговорила в запретной тишине спальни. "О боже, Бобби..."

Корзина для мусора была забыта. Она, словно в трансе, подошла к кровати и забралась на нее, ее большие, тяжелые груди свисали вниз, как коровье вымя, и стягивали блузку, открывая мальчику вид на ее мужественные сиськи, если он этого хотел - но Бобби не сделал ни одного движения, ни единого признака того, что он вообще обратил на нее внимание. В этот момент она поползла еще дальше вперед, спина выгнулась дугой, сердце колотилось, как у кошки, приближающейся к обеденному блюду. В ноздри ударил запах невероятно густой, мужественной спермы сына - спермы, которая все еще вытекала из его члена неравномерными толстыми струйками, которые не могли разлететься и расплескаться, настолько они были тяжелыми.

Бесшумно, без всякого признания с их стороны, она наклонилась вперед, задевая своими прекрасными темными волосами его обнаженное бедро вплоть до подола шорт, и открыла рот, положив его на кончик члена. Не как соблазнительница, приникающая к своей цели, а скорее как домашнее животное у своей кормушки. Ее тело пылало жаром и требовало его питания.

В тот день, лежа на матрасе, ее приемный сын кормил ее до тех пор, пока ее живот не наполнился. В последующие дни все повторялось, и это стало их негласным ритуалом. Иногда она ласкала его яйца, иногда он оказывался сверху или снизу, и она проводила длинным проворным языком по безупречно-сложной бледности его плоти, прежде чем приступить к выполнению своей роли в их негласном договоре. Ее завораживало то, что его юношеский пенис был настолько тяжелым и мужественным, что она могла пить из него до дна, и каждый день Ванесса глотала сперму, пока не чувствовала себя насыщенной ею. Затем она нежно ласкала Бобби и прощалась с ним, ее внутренние бедра были абсолютно мокрыми от ее собственной влаги. Затем она уходила в свою комнату, чтобы помастурбировать вдали от любопытных глаз Кэла, и оргазмы были настолько сильными, что почти пугали.

Много раз она извергалась с такой силой, что забрызгивала тумбочку, на которой стояли фотографии ее, Кэла и всей семьи с унылыми, слащавыми выражениями. Ее фантазии отличались от тех, что она испытывала раньше, от тех простых фантазий, что посещали ее до приезда Бобби. Она видела оргии, где Бобби выслеживал среди снующих фигур с зорким взглядом хищника, его длинный, толстый член бился о гладкие бедра, из головы торчали тонкие рога Бафомета. Она видела развращенную и извращенную пародию на церковные традиции, либертинскую мессу перед кафедрой и пентаклем, с голыми массами, падающими друг на друга, толпу щедрых молодых женщин, распростертых перед ее сыном, и его готовность принять их с огромной эрекцией.

Ритуал - идти в комнату Бобби, обслуживать его, а затем удаляться в свою, чтобы помастурбировать, раздвинув бедра, с пульсирующими сосками, лапая и покачивая грудью, - становился все более значительной частью дня Ванессы. То, что вначале занимало пятнадцать минут - глотание спермы с его простыней, - теперь занимало больше часа. Она радовалась этому как избавлению от Кэла, который становился все более раздражительным и задумчивым из-за трудностей, связанных с церквью, и даже от Исаака, ревность и ненависть которого к Бобби, несмотря на их кровную связь, она теперь воспринимала как своего рода святотатство.

На этот раз, когда Ванесса подошла к двери в комнату Бобби и подняла руку, чтобы коротко постучать и войти, она услышала звуки изнутри. Звуки, которые заставили ее покраснеть и опустить глаза с чувством вины и узнавания. Обычные, мягкие, глоттальные звуки. Плоть, которую обволакивает и поглощает голодный рот.

Это была Катрина, она знала. Она заботилась о Бобби.

Ванесса и знала, и не знала. В течение предыдущих недель и месяцев они, как корабли,

проплывающие в ночи, регулярно наведывались в его комнату, изредка мельком видели друг друга, входя и выходя, но никогда не говорили о том, чем занимаются. Их объединяло одно чувство - Бобби был необыкновенным молодым человеком, который нуждался в особой любви и внимании. По мере того как Кэл и Исаак отдалялись от нового члена семьи Стерлингов, они оба все больше привязывались друг к другу.

Ванесса заметила изменения в Катрине, и не без оснований. Она изменилась, возможно, больше, чем кто-либо из них. За два месяца, прошедшие с момента ее похода в подворотню с Бобби, она стала проводить с ним все больше времени. Они постоянно разговаривали, смеялись вместе, как воры, и результаты были налицо. Ранее очень сдержанная для своего возраста, почти детская в своих взглядах и поведении, Катрина стала проявлять более дикую, более авантюрную сторону. В первую очередь это отразилось в одежде, которую она носила, и в прическе. Ушли в прошлое простые прямые прически (иногда с хвостиками) и немодные юбки. В последнее время она стала делать длинные прически в богемном стиле 60-70-х годов, с тонким, органично выглядящим кожаным ободком. Это было дико.

Она была дикой. Бобби словно пробудил в ней что-то первобытное. Кэл сказал, что она похожа на "дитя цветов", и выразил опасение, что на ее манеру одеваться повлиял просмотр "старых фильмов" с друзьями. Но он упустил истинный генезис ее преображения. Катрина с ее дикими волосами и повязками в виде цветущих виноградных лоз не подражала духу шестидесятых. Напротив, она выглядела как женщина, живущая на природе. Женщина, которая умела поймать летучую мышь, бросить внутренности в кастрюлю с кошачьими зубами и предсказать погоду.

Ведьма. И не бородавчатая, как на Хэллоуин. А чувственная, текучая, служительница земли. Из тех, кто устраивает самые темные конгрессы с животными и дьяволом. Такую сожгли бы в Салеме.

Ванесса открыла дверь, и сердце ее заколотилось от непристойности того, что она увидела. Ванесса лежала на спине на кровати Бобби, раскинув ноги и руки, совершенно без одежды. Вся красота ее взрывного подросткового тела была выставлена на всеобщее обозрение, и это невозможно было отрицать. Ее груди были упругими, стройными, слегка свисающими по бокам груди. Живот был гладким и подтянутым, мягкий полумесяц румяного лобка припорошен тонкими волосками. Только лица ее не было видно, потому что Бобби был установлен на ее лице, очень медленно заставляя свои бедра подниматься и опускаться. Таким образом, черты лица Катрины были полностью скрыты симпатичным круглым задом Бобби, его тяжелые яйца бились о ее подбородок и шею, его ноги были согнуты в коленях по обе стороны. Его анус, розовый и безупречный между ягодиц, был бесстыдно выставлен напоказ.

"Глррх!" Катрина застонала, когда Бобби прижался тазом к ее лицу. Его член был полностью погружен в ее горло, и Ванесса видела, как шея дочери обхватывает его. Таз Катрины подергивался, и из ее щели сочилась медовая влага. По одной щеке стекала пузырящаяся смесь спермы и горловой слизи. Бобби продолжал те же ритмичные поглаживания, и каждый медленный и скрежещущий толчок приводил к тому же результату.

Мой восемнадцатилетний... усыновленный... трахает мою дочь... своим огромным членом, - подумала Ванесса. Ее живот превратился в жидкость, и она ощутила внутри себя запретный жар, превосходящий все, что она еще чувствовала. То, на что она смотрела, было непристойностью... извращением спаривания, не детородным сексом в религиозном понимании, а развратным, мерзким трахом в горло. Бобби использовал горло Катрины как туалет для спермы... не более чем рукав для слива спермы... и Катрине, похоже, нравилась каждая секунда. Ее дикие волосы разметались по матрасу по обе стороны от ее закрытого

лица, и то, что ее выражения не было видно - только гладкая молодая попка Бобби - делало это еще более развратным.

Ванесса убедилась, что дверь за ней надежно закрыта, и, словно в трансе, подошла к изножью кровати, на ходу снимая с себя блузку и лифчик. Ее тяжелые груди, отягощенные размером, соответствующим ее материнскому возрасту и инстинктам, свободно вздымались и подпрыгивали. Далее последовала юбка и туфли на каблуках, оттолкнувшись от накрашенных пальцев. Она знала, что вероятность того, что Кэл придет в комнату Бобби, невелика: они враждовали между собой. То, что произойдет, останется тайной, известной только им троим.

Встав коленями на матрас и закинув одну ногу на живот дочери, она облокотилась на тело Катрины и опустила лицо между щеками Бобби. Она могла видеть каждую деталь его гладких яиц, налитых по подбородку Катрины, и двух огромных мальчишеских орехов, которые просто кипели от спермы. Бобби снова сильно надавил бедрами вниз. Катрина снова застонала, и еще одна струя густой слизи потекла по ее щекам. Ванесса застонала и выдохнула, почувствовав, как ее одолевает чистое господство. Она почувствовала неприличную гордость за то, что Бобби так легко и непринужденно соблазняет и ее, и Катрину. Несмотря на то, что она не была его биологической матерью, что-то внутри нее хотело взрастить и развить этот инстинкт.

Она также находила Бобби физически совершенным. Эта гладкая круглая попка... раздвинутая так, что она могла видеть его розовую дырочку, когда он опускал свои бедра на лицо Катрины... она не могла не хотеть обслужить ее. Она застонала, выдохнула и опустила лицо, чувствуя, как безволосые ягодицы Бобби касаются ее щек. Она высунула язык и принялась лизать его попку, стоная от голода, как голодная женщина, не евшая несколько недель. По какой-то абсурдной причине, как и при глотании спермы мальчика, она начала думать о причастии.

Это мое тело. Съешь его в память обо мне.

Это было так непристойно, но... так приятно на вкус и на ощупь. Ванесса почувствовала духовное и физическое удовлетворение, когда провела языком по заднице Бобби и облизала стенки его кишечника, наслаждаясь землистым вкусом мальчишеской слизи и кишечных соков. Ее руки сомкнулись на его идеальной попке и раздвинули его щеки, когда его мягкая плоть погрузилась в ее ладони. Они с Катриной стонали в унисон, и она чувствовала, как яйца Бобби подергиваются и выбрасывают в горло Катрины все новые толстые струйки спермы, подстегиваемые ее оральными ласками.

Теперь таз Бобби находился между двумя лицами матери и дочери, который обслуживала каждая из них. Огромные груди Ванессы свисали вниз, соски набухли и топорщились, сталкиваясь с тонкими сосками Катрины, когда их два комплекта сисек - один гравитационный и стройный, другой тяжелый и висячий - прижимались друг к другу. Их раздвинутые бедра уступали место кискам, которые были до неприличия влажными, а внутренняя поверхность бедер блестела. Ванесса почувствовала, как из ее складочек вытекает и стекает прямо вниз тоненькая струйка меда, и поняла, что она вся в сливках на молодом, персиковом бугорке киски своей дочери. Покрывает его. Подготавливает его.

Для какой цели?

Для него.

Конечно. В тот момент это казалось неизбежным и идеальным. Ванесса застонала и, наклонившись, начала целовать задницу Бобби, целуя ее так энергично, как никогда не

целовала рот мужа за все годы их брака. Она провела плоским языком по отверстию, а затем обхватила его губами и начала сосать впалые щеки, пока не стали заметны скулы, полуприкрытые глаза, полностью довольные, издававшие непристойные звуки, похожие на слюнявые звуки младенца с соской. Ее киска взревела в оргазме от этого мерзкого, покорного действа, и она обильно полилась вниз, струей, орошая нежный клитор дочери, доводя ее до крайности. Она почувствовала, как член Бобби дернулся и выпустил еще одну огромную, бугристую струю жирной спермы прямо в горло Катрине.

Она чувствовала и слышала, как толстые творожистые хлопья спермы летят по его члену и скапливаются в подтянутом животе Катрины. Невозможно было представить себе ничего более сексуального и мужественного. Она ощутила боль бесплодия, неспособности выносить ребенка. Но через секунду она поняла, что Бобби может зажечь ее, если захочет. И это было самое сексуальное, что она могла себе представить.

Ванесса не спеша занималась своим восемнадцатилетним мальчиком. Она ласкала его ягодицы, двигала ртом, целуя и посасывая молодую, наливающуюся силой плоть с боготворимыми стонами. Она провела языком по его внутренностям, проникая так глубоко, как только могла, и больше десяти минут просто сосала его задницу, лаская его безволосый, идеальный анус, как член, при этом глаза ее закатились, а губы вытянулись в развратную, унизительную трубочку. Так же, как она сосала его член все эти недели, это было похоже на кормление; единственное средство, с помощью которого она могла удовлетворить свое глубокое желание лелеять и поклоняться телу своего сына.

Это было так приятно. По другую сторону медали от той чопорной и правильной церковной жизни, которую она знала, в которой внешность, вера и следование догмам были всем, что имело значение, было место с Бобби, где имело значение только удовлетворение. Ничего не было запрещено, все было разрешено, даже самые непристойные акты кровосмешения. Она видела отголоски этого места в его рисунках: матери на сыновьях, сестры на братьях, самые темные места Библии, переиначенные в религию, далекую от того, что она знала до его приезда. И в этом месте, где удовлетворение и ритуал секса были важнее всего, она обнаружила глубокую, боготворящую потребность в теле своего приемного сына. У Бобби была самая круглая и милая попка восемнадцатилетнего ребенка, и Ванессе это очень нравилось. Она хотела, чтобы он садился ей на лицо, чтобы она могла вычистить его попку своим языком. Она гордилась тем, что у него массивный, оплодотворяющий член с огромной парой мужественных резервуаров для спермы. Он использовал Катрину как втулку для члена, как настоящий альфа. Она чувствовала себя при этом так, как, по ее представлениям, должен чувствовать себя кающийся из темной массы, стоящий на коленях перед железным пентаклем в надежде призвать нечто великое, доброе и высшее.

Все эти образы показал ей Бобби.

Он вышел из хорошо оттраханного горла Катрины, приподняв бедра. Его длинный член выскочил из горла, покрытый слизью, и Ванесса не удержалась и потянулась к нему, чтобы погладить его, оттянуть назад через ноги и облизать кончик, выдавливая каждую капельку спермы и втягивая ее в свой голодный рот. Бобби оглянулся через плечо, впервые встретившись с ней взглядом. Ванесса увидела повязку на его левом глазу, как в одном углу кровоточит и наполняется кровью склера.

Драка. Те мальчишки из частной школы избили Бобби. Разбили ему бровь до кости и нанесли чертовски сильный удар. Но даже после этого Бобби не стал жаловаться и отказался назвать виновных, сказав, что "разберется с этим сам". Сидя за обеденным столом и прижимая ко лбу Бобби пачку замороженной кукурузы, Ванесса плакала от умиления, настаивая на том, что она

собирается позвонить матерям этих мальчиков и прочитать им акт о беспорядках, а может быть, и привлечь полицию. Но Бобби просто медленно и решительно покачал головой.

Нет. Не беспокойся о них, мама.

И она вспомнила, как Исаак увиливал, не спрашивая, все ли в порядке с его приемным братом, как это делали Ванесса и Катрина. В то время как они ластились к нему, Исаак только дулся, словно завидуя, что побои Бобби лишили его внимания. И, конечно, она быстро поняла, что ее крики были скорее похожи на то, чего хотел бы Исаак в той же ситуации. Но не Бобби. Бобби был сильным. И все больше и больше Ванесса начинала понимать, что Исаак, ее биологический сын, был слаб.

Он пристально смотрел на нее, словно знал, о чем она думает. И изменение цвета его глаз - черные кольца, кроваво-красная склера - выглядело как-то... уместно. Ванесса не могла объяснить, как. Казалось, что это мрачное состояние совсем не чуждо Бобби. Гротескные маски, наводящие на размышления рисунки... просто он показывал ей что-то другое. Катрина, ходившая с Бобби по подворотням, могла бы сказать матери, что Бобби показал ей, что не надо бояться травм и того, что многие считают "мерзким".

Бобби перевернулся на спину, облокотившись на подушку, и протянул листок бумаги, на котором он рисовал очередную гравюру на дереве. Его член лежал, толстый и торчащий, на одном из стройных бедер, пока изображение проплывало между ними; единственным звуком было тяжелое дыхание Катрины, которая приходила в себя после горлового траха, длившегося почти полчаса.

Ванесса посмотрела на изображение. На нем был изображен круг ангелов, окружающих дьявола с рогами Бафомета и нападающих на него. Дьявол был меньше ростом, с серьезным выражением лица, его бичевали плетьми и кололи копьями, но он, казалось, мужественно выживал, несмотря ни на что. Его лицо было мальчишеским и напоминало самого Бобби.

На переднем плане, помимо больших ангелов, стоял херувим, спрятавшийся за облаком и наблюдавший за происходящим. Лицо херувима было хитрым и трусливым, а растрепанная прическа и пристальный взгляд напоминали Исаака. На пухлой груди херувима висел мешок, переполненный монетами.

Ниже карандашом была аккуратно выведена надпись:

"Хранитель ли я брата моего?"

"Что это, мама?" спросила Катрина, приподнявшись на локтях. Казалось, она не стеснялась и не стыдилась того, что ее мать стала свидетелем того, как она обслуживает Бобби. Они уже столько раз обменивались взглядами, вместе причащались. Она инстинктивно знала, что не будет упрека за то, что они обе теперь считали своим долгом как члены семьи Бобби. "Что нарисовал Бобби?"

Глаза Ванессы сузились. "Это..." Ее голос прервался, а губы беззвучно зашевелились, когда она пробормотала про себя.

"Это Исаак и Бобби?" спросила Катрина. Обе женщины сидели на матрасе, обнаженные, плечом к плечу, их груди висели - у Катрины небольшая, у Ванессы - огромная, а волосы разметались по плечам. "Как ты думаешь?"

Ванесса закрыла глаза и стиснула зубы от злости. То, что произошло, стало для нее очевидным

- и хотя еще четыре недели назад выбор, который предлагала правда, казался бы невозможным, теперь она сделала его решительно и без сожаления.

Ссора произошла 21-го числа, в пятницу, но Исаак привел свой план в действие за несколько недель до этого. Хотя ему не хватало обычной храбрости, он собрался с силами, чтобы подойти к тому месту, где Лорн Каллахан и более старшие и высокие мальчишки тусовались за спортивной площадкой, занимаясь "правонарушениями", такими как курение, ругань и разговоры о том, какие учителя их достали. Лорну Каллахану было четырнадцать лет, но он вполне мог сойти за восемнадцатилетнего. По обеим сторонам рта у него начинались усы, а рост был почти метр восемьдесят, настолько большой, что форму для Академии Сент-Гейб пришлось заказывать специально. Уже одно это делало его легендой школы. Среди всех мальчишек, особенно в младших классах, было известно, что Лорн Каллахан схватит вас за шиворот и четыре раза повернет вокруг своей головы, если вы только бросите на него взгляд.

Ходили слухи, что отец Лорна едва мог оплатить дорогостоящее обучение, что он был не только самым большим и злым мальчиком в школе, но и самым бедным. Но горе тому четвероклассснику или пятикласснику, который сделает замечание по поводу протертых коленей на его брюках или плохо сидящих рукавов на пиджаке, которые доходили до середины запястья и делали его похожим на неандертальца. Поступить так - значит навлечь на себя беду.

В обычной ситуации Исаак никогда бы не решился приблизиться к нему или его столь же бездарным друзьям, но в тот день у него была цель. Цель и сто долларов наличными, которые он получил от Кэла и Ванессы путем нытья, лжи (папа и мама были не в лучших отношениях, поэтому легко было убедить их обоих, что кто-то из них забыл) и откровенного воровства из маминой сумочки. Исаак понял, что воровство противоречит учению Господа, но в своем сознании он переосмыслил этот поступок как "перераспределение" средств на благое дело.

Цель? Разоблачение своего "брата" Бобби как опасного мерзавца, которым, как знал Исаак, он является. И, возможно, преподать Бобби урок в процессе.

"Л-Лорн?" Исаак заикался, его лицо покраснело. Даже произнести это имя было почти невозможно. Зайдя за трибуны и оказавшись в их тени, ему захотелось убежать и отложить задуманное на потом. Но в конце концов он проглотил свой ужас и сделал заикающееся предложение, со слезами на глазах, прижатый к ограждению, с кулаком Лорна, схватившим его за рубашку, и двумя другими кретинами-старшеклассниками, прижавшими его руки.

Он заплатит ребятам пятьдесят авансом за избиение Бобби. И еще пятьдесят, когда дело будет сделано.

Лорн назвал его чудаком и сказал, что его семья, должно быть, очень плохая, если он хочет, чтобы его родного брата избивали. Но Исаак обнаружил новый уровень лжи среди этой опасности; он представил себе, что это должно быть похоже на вдохновение, которое испытывал его отец, стоя на кафедре и обеспечивая себе средства к существованию. Исаак становился острым на язык, когда речь шла о его собственной шкуре.

Бобби, по словам Исаака, постоянно говорил о том, что Лорн - большой глупый идиот, которому не место в школе. Бобби говорил, что все девушки, которым Лорн отдавал предпочтение, были некрасивыми, а Лорн и его друзья (и тут Исаак догадался, что больше всего возмутило бы Лорна), скорее всего, все равно друг на друга запали. Говоря быстро, он пытался заставить Лорна разозлиться на Бобби так же, как и он сам; это была первая и самая большая проповедь в его юной жизни. Исаак знал, что многое из того, что говорил его отец, было направлено на

то, чтобы заставить людей делать то, что он хочет, и теперь настала его очередь встать на это место.

"Не говори ему, что я послал тебя", - уточнил Исаак, и от страха, который он испытал при мысли о том, что Бобби узнает об этом, у него заныла кожа. "Просто скажи ему... что ему здесь не место". Он сглотнул. "Скажи ему... скажи, что приемные дети должны просто исчезнуть".

Исаак достал полтинник, и Лорн поставил его на землю. "Ладно, маленький засранец", - сказал Лорн. "Нам будет приятно изменить лицо этого ребенка. Но если ты попытаешься как-то обмануть меня..."

Исаак покачал головой с почти комической энергией. " Я должен быть сумасшедшим, чтобы сделать что-то подобное".

"Это точно."

Так все и началось. Но у Исаака были кое-какие соображения, которыми он не поделился с Лорном и его друзьями-бездельниками. Во-первых, он считал Бобби опасным. Он считал, что если Бобби загнать в угол, то он может совершить что-то жестокое. И это насилие в конечном итоге будет даже лучше для планов Исаака. Исаак думал, что если Бобби набросится на кого-нибудь из старших мальчиков и обидит его, то отец может вернуть его в детский дом. Наблюдая за задумчивым поведением Кэла в течение последних недель, он понял, что отец ищет любой повод, чтобы избавиться от Бобби, любой проступок, на который он мог бы указать и оправдать его отправку.

Сердце Исаака заколотилось, когда мальчики оставили его у забора, в нем в полной мере разгорелось чувство как праведности, так и ревности. Больше всего в душе Исаака росла ненависть к Бобби из-за того, что его мать и сестра уделяли ему внимание, и эта ненависть заставила его стать хитрее и изобретательнее, чем мог предположить даже отец.

В тот день, когда он ждал, когда его дыхание замедлится, он представлял, как избавится от Бобби, а затем поможет отцу реанимировать посещаемость церкви, которую он в конце концов возьмет в свои руки и будет управлять ею сам, когда отец будет готов уйти на пенсию. Каждую неделю он будет рассказывать о любви Христа и Божьей благодати, деньги будут поступать, и на них он сможет купить все, что захочет. И он встретит девушку, которую сможет заворожить своими словами, девушку, более чем немного похожую на его мать и сестру, женится на ней, и у него будет свой сын, которого он вырастит, чтобы зарабатывать доллары на кафедре, как вырастил его отец.

Как оказалось, все пошло не так, как планировалось.

21-го числа на улице было пасмурно и шел дождь, когда Лорн и два его друга, Мюррей и Коннор, перехватили Бобби в школьном туалете. Лорн сам схватил Бобби за воротник и втащил его внутрь, издеваясь над маленьким мальчиком. Коннор следил за ним, Мюррей поворачивал замок и нажимал на автоматическую сушилку для рук, скрывая первые звуки борьбы. Наука избивать других мальчишек была для них привычной; они никуда не стремились, ничего не хотели и не собирались добиваться больших высот, чем их нынешний статус школьных бугаев - здоровенных, старших мальчишек в форме католической школы, с зачесанными набок волосами, старше Бобби на три года, а самый крупный из них весил, пожалуй, вдвое больше него самого.

"Я слышал, ты говорил, что я гомик", - сказал Лорн Бобби, толкнув его к холодной кафельной стене и отойдя на расстояние удара. Тело Бобби врезалось в стену с зубодробительной силой, а

затем мальчик поднял голову, его черные волосы нависли над глазами, прежде чем он убрал их рукой, и зелень его радужки, казалось, вспыхнула. Лорн хрустнул костяшками пальцев. "Я буду вырывать по зубу за каждый раз, когда ты это скажешь".

Выражение лица Бобби не изменилось. Прислонившись спиной к стене, он одной рукой ослабил галстук, затем снял его и бросил на ряд из трех раковин, стоявших неподалеку. Затем он снял пиджак. Лорн засмеялся.

"Лучше сними и рубашку, если не хочешь, чтобы на ней была кровь", - сказал он. "Ты знаешь, что произойдет, не так ли? Ну, ты это знаешь". Автоматическая сушилка выключилась, и в ванной вдруг стало жутко тихо.

Бобби смотрел на Лорна ровным взглядом, как черный ягненок смотрит на надвигающегося белого волка. Внезапно он заговорил. "Твой отец убил твою мать, ты знал об этом?" - сказал он.

Лорн вытаращил глаза. "Что ты сказал, мать твою?" - прорычал он. "Что ты, блядь, только что сказал?" Он приблизился на расстояние удара.

"Я сказал, что твой отец убил твою мать".

УДАР!

Правая рука Лорна взметнулась и ударила Бобби по голове, разбив бровь, рассекая кожу и ударяя его головой о стену. Бобби не издал ни звука, только выдохнул от удара, а затем опустился на колени, и струйка крови потекла в лужу под ним.

"Ты ничего не знаешь о моем старике", - прорычал Лорн, и когда Бобби поднялся с пола, протянул руку, чтобы оттолкнуть его, комната окрасилась в медный цвет с запахом крови.

"Он сказал... что она сбежала и бросила вас двоих, когда тебе было пять лет", - сказал Бобби, задыхаясь от боли. Но на его лице не было видно дискомфорта. Оно выглядело злобным. Он поднял голову и посмотрел на Лорна сквозь маску из крови, которая закрывала половину его лица. Его клыки блестели сквозь багровый цвет. "Но это была ложь. Она действительно сбежала, но передумала. Она пыталась вернуться домой".

"Заткнись!" Лорн зарычал и ударил Бобби ногой по ребрам, перевернув мальчика и выбив из него дух. Воспоминание о прикосновениях матери, теплых и заботливых, зародило в нем такую потребность, какой он никогда не испытывал. Долгие годы он ненавидел ее, слушая на коленях у отца, с пивом в одной руке и пультом дистанционного управления в другой, рассказы о том, как она сбежала. Но его всегда интересовало, почему, если она сбежала, она никогда не пыталась связаться с ним, своим единственным сыном. Почему? Если бы не...

"Он проломил ей череп и похоронил в лесу, в коттедже на берегу озера Мирабель. За год до того, как он начал строить лодочный домик". Бобби задыхался, и лужа крови, стекающая с его разбитой брови, становилась все более причудливой. Коннор и Мюррей, как ни тускло они выглядели, поняли, что происходит нечто опасное и неожиданное: то, что должно было стать быстрым избиением, превратилось в ужасающее откровение, произнесенное юношей в малиновой маске, который улыбался, как сам дьявол.

"Заткнись", - сказал Лорн, но голос его звучал пусто. Он отдернул руку и заколебался. "Заткнись. Заткнись!" Он никогда не жалел о том, что избивал кого-то, но сейчас почувствовал настоящее сожаление, сожаление и ужас. Он чувствовал правду в словах этого странного черноволосого мальчика так же инстинктивно, как знал знакомые очертания лжи своего отца.

"Я могу сказать тебе, где копать", - прорычал Бобби, и теперь уже он казался высоким, а Лорн - уменьшившимся. "Она хочет увидеть тебя снова, ты знаешь".

В голове Лорна возник образ, и он закричал, причем голос его звучал далеко не как у отъявленного хулигана, за которым закрепилась его репутация. Он не стал бить Бобби, а просто толкнул его под раковину и, отвернувшись, бросился бежать. Он знал, что, пока он жив, он никогда не избавится от образа застывшего тела матери, покоящегося под землей, с одной рукой, вытянутой вверх, как бы тянущейся к сыну, которого она больше никогда не увидит.

Ему предстояло прожить остаток детства с убийцей.

Лорн выскочил в дверь туалета, и его друзья последовали за ним, оставив Бобби одного. В коридоре, где студенты как раз шли на очередные занятия, в тени шкафчиков притаилась одна фигура, не желая быть замеченной и наблюдая за происходящим с излишним интересом. Исаак наблюдал за тем, как Лорн пронесся мимо. У старшего мальчика были слезы на глазах, кровь забрызгала его рубашку и руки. На мгновение он понадеялся, что дело сделано... но тут он услышал смех, глубокий и маниакальный смех, который, казалось, эхом прокатился по коридорам и заставил учителей обратить на себя внимание.

Один из учителей позвал медсестру, и тут появился Бобби, вся левая сторона которого была в крови из-за выплюнутой брови. Прежде чем он спрятался за шкафчиками, они встретились взглядами, и Исаак увидел, что Бобби скалится, как волк.

"Он смотрел прямо на меня", понял Исаак. Десятки людей в коридоре, а он ни на кого не смотрел, кроме меня.

Исаак побежал. Бобби, теряя кровь и сильно избитый, опустился на колени. Пришла медсестра. Позвонили родителям. А Лорн Каллахан в тот вечер с серьезной решимостью начал думать о сейфе с оружием своего отца и о том, как он может отомстить, если получит к нему доступ.

Это было неделю назад, и теперь, осознав всю правду произошедшего - что Исаак продал своего приемного брата не менее подло, чем Иуда Искариот Иисуса Христа, - Ванесса испытывала непреодолимую смесь эмоций. Гнев от того, что ее собственный сын поступил подобным образом, попытался отнять у семьи дар нового брата. Но еще больше она чувствовала необходимость извиниться... и искупить свою вину.

Бобби был настолько выше других, настолько физически и умственно красив, что пытаться причинить ему вред было оскорблением. А Исаак пытался навредить Бобби. Это было... было...

Слова из Библии дошли до нее с поразительной ясностью, хотя она никогда не изучала Священное Писание так тщательно, как Кэл. Она открыла рот и, когда заговорила, поняла, что Бобби тоже говорит, его голос гармонично накладывается на ее.

"Возьми сына твоего, единственного твоего Исаака, которого ты любишь, и пойди в землю Мориа, и принеси его там во всесожжение на одной из гор, которую Я укажу тебе".

Книга Бытия.

Это будет ее причастие с Исааком.

Без слов Бобби приподнялся на матрасе и протянул свой толстый и длинный юношеский пенис перед двумя распростертыми женщинами, как бы предлагая его им. Ванесса поняла, что это и

есть гора, место жертвоприношения.

Огромный член Бобби был вершиной, на которую ей предстояло взойти. А жертва...

Она отбросила последние чувства к своему биологическому сыну и оттолкнула их. Она раздвинула бедра, выгнула спину и подняла на Бобби умоляющие глаза.

"Мне жаль, что Исаак такой маленький педик", - стонала она, проводя губами по головке члена Бобби. "Мне стыдно, что его маленький, как червяк, член вышел из моей утробы. Пожалуйста... накажи мое тело за то, что я родила на свет неполноценного мальчика. Он... Исаак - кусок дерьма". Она начала водить пальцами по своему телу, и Катрина, видя, с какой безнравственностью она отбрасывает свои матроновские ассоциации к своей плоти и крови, как это сделал Авраам на горе перед тем, как посланник Бога совершил спасение, заволновалась, ее глаза - под черной тушью, которую она носила только для Бобби, еще более похожие на ведьминские, - были совершенно очарованы уродством и неправильностью, которые стали ее хлебом и вином. "Я... я вижу, что Исаак хочет заняться сексом и со мной, и с Катриной", - со стыдом призналась Ванесса. "Он немного извращенец. Я... я хочу, чтобы он знал, что отныне мы оба будем сосать и трахать твой огромный член, Бобби... и что мы ни за что на свете не прикоснемся к его маленькому недоразвитому члену!"

Обе женщины перебирали пальцами, выгибая спины, как шлюхи, зачарованные членом Бобби. Ванесса продолжала воздавать словесные почести мальчику, который стоял перед ними как идол. Сжав обеими предплечьями свои огромные, подпрыгивающие сиськи, она потянулась вверх и сжала их вместе вокруг ствола Бобби, массируя его, позволяя ему двигаться и трахать ее декольте так, как ему хотелось, и при этом не сводя с нее горящих глаз.

"О, бля... это так сексуально, мам!" сказала Катрина, краснея. "Я бы хотела так делать!"

"Позволь мне... сделать это с тобой!" Ванесса застонала, умоляюще глядя на Бобби. "Я отплачу тебе за то, что Исаак причинил вред твоему совершенному телу! Используй меня и мою дочь как свои личные туалеты... Я хочу, чтобы Исаак знал, что он ничтожество, а каждый сантиметр наших тел был покрыт твоей спермой. Что груди, которыми я кормила его, годятся только для того, чтобы высасывать струи спермы из твоего огромного члена!"

"Как бы я хотела, чтобы он был здесь, смотрел!" добавила Катрина. Она чувствовала, что произошло, и ее аппетит к тьме и разврату рос вместе с матерью. "Он мог бы посмотреть, как ты изливаешь всю свою сперму на наши лица, полностью покрывая нас..."

"Пожалуйста, выеби нас! Я хочу, чтобы ты надругался над моей дочерью у меня на глазах!" стонала Ванесса. "Я отдам тебе любого из своих детей, Бобби... нет ничего важнее тебя!" Его длинный член во время унизительного отсоса сисек проник в ее декольте и кончиком прижался к ее рту. Она вытянула губы в развратную, закатывающую глаза гримасу минета и стала сосать его, смачно причмокивая, не заботясь о непристойности издаваемых звуков, желая казаться глупой, распутной и низкой.

Катрина, не удовлетворившись простым наблюдением, отстранила длинный член Бобби и начала агрессивно надрачивать его ртом, демонстрируя, как хорошо она умеет использовать свое юное, едва начавшее расти горло, чтобы заглатывать мясо Бобби, позволяя ему нанизывать себя на шампур, пока слюна не полилась ей на подбородок. "Глюууурк!" - прохрипела она. "Уулькхх! Уууууркхххх!"

Ванесса прикусила губу и с завистью посмотрела на них. "О, Боже... ты превратил мою дочь в такую членососущую, тупую шлюху, Бобби!" - задыхалась она, разминая свои соски и

перебирая пальцами свою мокрую киску. Она скользнула рядом с Катриной и обхватила ее голову с каждой стороны, пальцами словно рыбьими крючками открывая ей рот, давая Бобби столько доступа, сколько ему было нужно, чтобы трахать ее горло, как пизду. "Используй ее!" - умоляла она. "Пусть она будет моим извинением! За то, что Исаак такой никчемный, безмозглый кусок дерьма!"

Бобби дал Катрине пососать его член несколько раз, затем вынул его, покрытый слюной и пузырьками спермы, чтобы дать пососать его Ванессе. Обе женщины с обожанием по очереди задыхались на его члене, их темные волосы зеркально отражались по обе стороны от его торчащего мяса, разлетаясь и мелькая, когда они захлебывались рвотными массами, каждая, казалось, пыталась превзойти другую в том, как много беспорядка они сделают.

Ванесса, казалось, была одновременно и удивлена, и обеспокоена тем, как охотно Катрина захлебывается в члене Бобби. "Какая же ты горловая шлюха, Катрина!" - изумилась она. "Ты уже несколько недель тайком ласкаешь Бобби, не так ли?" Катрина застонала, когда Бобби вышел из ее рта, образовав еще один слюнявый мостик между своим членом и ее прелестными губками. Бобби опустил руки к их головам и прижал их лица друг к другу. Не раздумывая, они прижались друг к другу и начали целоваться, обнимаясь, огромные сиськи Ванессы прижимались к идеальной формы дынькам ее дочери, они задыхались, сосали языки и обменивались слюной.

Бобби подошел ближе, и они переключились с поцелуев на сосание и поклонение его яйцам, как шлюхи, сжимая губы и посасывая каждый толстый орех изо всех сил, растягивая кожу мошонки и делая влажные, неряшливые потягивания на каждый тяжелый шар спермы со всем отсосом, на который были способны их вытянутые минетные лица, их глаза были остекленевшими и ошеломленными, мать и дочь были совершенно очарованы. Это, несомненно, была месть Бобби - все урезанные, детские сексуальные фантазии Исаака о женщинах, формировавших его жизнь, он полностью растоптал и забрал себе.

Он бил их по лицам своим членом, плевал на обоих, заставлял открывать рты и обмениваться поцелуями. Он лег и подтянул колени к груди, позволяя им обеим сразу проникать языками в его задницу и сплетаться в совместном французском поцелуе внутри его горячих кишок.

Они боролись за то, кто из них будет для него большей шлюхой, кто сможет более развратно вылизывать и поклоняться его заднице. И вот, когда казалось, что они уже не смогут больше унижаться, Бобби протянул руку, чтобы схватить Ванессу за волосы и толкнуть ее в бок. Она перекатилась на спину, раздвинув бедра, с выпуклыми сиськами, глядя на него и задыхаясь. Затем Бобби зашел за задыхающуюся Катрину и ногой провел между ног ее матери, оставив ее лицо в нескольких сантиметрах от смазанной щели Ванессы.

"Ты знаешь, что делать, Катрина", - сказал Бобби, и она сделала это. Она повернулась лицом вниз, оказавшись между раздвинутыми бедрами Ванессы, и зарылась языком в щель матери. Глаза Ванессы расширились, она сжала ноги вокруг головы дочери и потянулась вниз, чтобы зарыться руками в дикую гриву темных волос, так похожих на ее собственные.

"О... черт!" Ванесса застонала, закрыв глаза и откинув голову назад. "Катрина... ты... плохая девочка! Ты... драная... лесбиянка!" Это было так хорошо, так запретно, что она почти не могла думать. Мысль о том, что Бобби учил ее дочь за ее спиной, была темным открытием, которое было гнусно желанным. Ее тело, ее дочь и жертва ее сына - вот все, что она могла предложить. Ее толстые, круглые ягодицы сжались, и она вогнала свою киску в лицо Катрины, приподнимая ее над матрасом. Когда она рухнула обратно, Катрина лукаво смотрела на нее, разинув рот, измазанный ее соками, поверх лобкового бугра.

"Бобби показал мне, как девочки лижут киски, мама", - объяснила Катрина. После их первой совместной прогулки она стала одержимой, одержимой всем, чему мальчик мог ее научить, скрытой, взрослой, тайной информацией, которая выходила за рамки ее защищенного детства. "Все, что показал мне Бобби... это гораздо лучше, чем церковь и Библия!" Она окинула дымящимся взглядом пухлый, покрытый волосами лобок старшей женщины. "Я собираюсь нырять и драть ножницами каждую из своих подруг. Я хочу, чтобы их пизды были у меня перед носом! Бобби показал мне столько всего. Я буду ссать перед людьми на публике. Я буду ходить в дырки славы и сосать каждый член, который там окажется! Я буду трахать собак".

"Ах ты маленькая шлюшка!" простонала Ванесса, взяла в руки волосы Катрины и с силой засунула лицо девушки глубоко в свою киску. "Сожри меня! Если ты теперь такая шлюха, соси мою киску! Заставь меня кончить тебе на лицо, плохая девчонка! Ты, блядь, шлюха! Все, на что ты годишься, - это устраивать шоу, чтобы член Бобби был твердым!" Она откинула голову назад и стиснула зубы, когда язык дочери стал исследовать ее внутренности, дразня ее клитор, разминая ее складочки с необыкновенным мастерством. И смутно она видела, как Бобби расположился позади Катрины и прижал свою истекающую влагой тяжелую головку члена не к ее киске, как это было предписано богом, а ко входу в ее задницу.

Рот Ванессы искривился в улыбке. "Да, Бобби... Хотела бы я, чтобы Исаак увидел тебя сейчас. Как ты разрываешь своим огромным членом задницу сестры. Заставляешь ее есть мою киску, как лесбиянку! Тренируя ее... он бы увидел, насколько он неполноценен... насколько он был глуп, чтобы быть твоим врагом!" Бобби подал вперед свои тугие, мальчишеские бедра; его тело было очень маленьким, почти как у фейри, когда оно извивалось на матрасе среди их больших тел. Его скользкий, пропитанный слюной член слегка изогнулся, когда задница Катрины сопротивлялась, а затем начал входить в нее с влажным, мясистым звуком трущейся задницы. Катрина закричала, выдыхая в киску Ванессы - ее глаза закатились назад от самого темного, самого пожирающего удовольствия, которое она когда-либо знала. Ванесса видела, что от ее дочери в этот момент не осталось и следа, было только разъяренное, одержимое членом животное, и то, как тщательно Бобби тренировал Катрину, довело ее до оргазма, когда она поняла, что это сделал ее сын, ее зависший сын, ее удивительный, безупречный, идеальный сын.

Как же Исаак мог быть таким глупцом? Как мог Исаак предать истинную силу дома, черный ягненок, ставший львом?

Она вжала лицо Катрины в свою киску и мощно кончила, вздымая бедра и обильно поливая мокрой струей стонущую дочь, переполняя ее рот. Бобби вгонял свой огромный член в попку Катрины почти до самых яиц, и девочка испытывала такие ощущения боли и наслаждения, какие не могла себе представить. Она хотела, чтобы толстое мясо Бобби изменило форму ее задницы так же, как его уроки изменили ее сознание. Она хотела облить себя его спермой. Она хотела, чтобы ее трахали по-собачьи на поляне, где в форме пентаграммы прорастали поганки, а на деревьях двигались неведомые, неестественные фигуры.

Оргазм пронзил ее, как баньши, когда она оттолкнулась от его движущегося члена, ее подростковый пузико хлопало о его гладкий таз и покачивалось на его члене. Вскоре она почувствовала давление и удовольствие от того, как член Бобби вливает сперму глубоко в ее задницу, зная, что эта сперма вытекает в то место, которым она раньше срала, что она трахается ради чистого удовольствия, занимаясь сексом, который был отрицанием жизни, отрицанием всего, кроме рутинного, бьющего ключом, сотрясающего оргазма. В тот момент, в нежном восемнадцатилетнем возрасте, она поняла, что никогда не захочет иметь ребенка. Если, конечно, не от Бобби. Она хотела, чтобы ее трахали в задницу. Она хотела, чтобы в нее кончали мужчины и собаки так, чтобы это никогда не привело к рождению ребенка. Это

желание было отречением от церкви и от жизни, которую она всего полгода назад считала каменной и не имеющей выхода. Она была свободна.

Свободна быть шлюхой своего младшего брата.

Когда Бобби вышел из нее, Катрина рухнула вперед на мать, и женщины обнялись, их тела были покрыты смазкой, слюной, спермой и потом - непристойная пародия на Мадонну с ребенком. Бобби подтолкнул Катрину голой ногой, и она застонала. Он подошел к ним и снова протянул ногу, чтобы они могли с благоговением сосать и лизать его пальцы.

Бобби говорил вслух, стоя над ними, читая наизусть, без всяких усилий, как будто слышал эти слова миллион раз. "В ночь, когда Его предали, Он взял чашу и сказал: "Это Новый Завет от Моей крови". Он протянул руку и взял Катрину за волосы, направляя ее вверх, и его взгляда было достаточно, чтобы понять, что он хочет, чтобы она села на корточки и раздвинула щеки своей безупречной пузатой попки перед лицом матери.

"Выпей это в память обо мне", - сказал Бобби. Ванесса застонала от оргазма и открыла рот, когда Катрина присела на корточки, как животное, ее безволосый розовый анус сжался и выдвинулся, прежде чем из него вырвался густой, пузырящийся сплошной поток густой, белой спермы, который полился на зубы и язык Ванессы, покрывая их, быстро заполняя рот.

Она пила. Глотала. Снова открыла рот, и Катрина вытолкнула ей в рот еще больше густой, тягучей спермы. Сперма Бобби. БРРРРРРРРРРРРРР! Рот и губы Ванессы забрызгало еще одним рыхлым, мерзким выбросом спермы, когда Катрина вывалила свои набитые спермой кишки на лицо матери. Ее язык был высунут и капал слюной, как у собаки, и она смотрела на Бобби в поисках одобрения.

Мальчик взял свой длинный, полутвердый член и стал мочиться прямо в лицо Катрине. Ей тоже нужно было причащаться. Пенящаяся мужественная желтая струя мгновенно заполнила ее рот, и она стала глотать, глотать и глотать, желая выпить каждую каплю выделений Бобби. Она извергла еще больше спермы в рот матери, и омыла ее лицо, и ворковала, когда густая струя мочи изверглась на ее немигающие глазные яблоки, и она почувствовала, как язык матери проникает в ее хорошо оттраханную задницу и губы накрывают ее анус, когда Ванесса начинает высасывать густую, лохматую сперму из ее дырки.

Когда все закончилось, стружка свинцового карандаша в корзине Бобби потемнела на их пальцах, и каждая из женщин с нетерпением нарисовала на тазу другой пятиугольник из порошкообразной черноты, размазанный и неровный, но все равно узнаваемый - сигил прямо над тем местом, где пульсировали их лона внутри их детородных тел.

Бобби улыбнулся, увидев завершение этого акта: его огромный член свисал до колена, левый глаз все еще был обесцвечен - травма скорее добавляла ему мрачной привлекательности, чем отнимала ее.

Ждать осталось недолго.

"Расскажите мне о деле, - попросил Кэл, скрестив руки и наклонившись вперед. "Какое бы дело ты ни считал нужным, Рич. Мы просто разговариваем здесь, как ты и сказал".

Рич не прерывал зрительного контакта и открыл папку, не глядя на нее. Кэл мельком увидел несколько ксерокопий отчетов, но не смог прочитать мелкий шрифт. "Был случай, когда приемный отец был осужден за жестокое обращение. Но его не посадили в тюрьму, хотя, по-моему, должны были".

"И где же он оказался?"

"В психиатрической клинике Монтфайр. Он все еще там".

"А что с матерью?" спросил Кэл.

"В этом случае, я имею в виду. Была ли она тоже..."

"Никто не знает", - сказал Рич. "Во время слушаний и суда она присутствовала. Она свидетельствовала против отца. Она носила черные кружева". Он перевернул лист бумаги, и на нем появился рисунок зала суда, на котором была изображена довольно сладострастная женщина в широкополой черной шляпе, как могла бы быть одета скорбящая вдова или мать на похоронах, если бы она была особенно стильной. Кэл не мог не заметить, что женщина была очень крупногрудой, совсем похожей на его собственную жену.

"Отец, он... бил мальчика?" - спросил Кэл. Рич серьезно кивнул. "Сильно?" продолжал Кэл. Мысль о том, что кто-то может избить Бобби, особенно увлекала его, потому что он не знал, как отреагирует на это совершенно невозмутимый мальчик. В тех немногих случаях, когда он читал Бобби нотации или ставил его перед фактом, мальчик не пускал пузыри, не извинялся и не опускал глаза от стыда, как это делал Исаак в подобных ситуациях. Напротив, Бобби не уступил ни дюйма. Он просто молча принимал упреки и наказания. Неудивительно, что приемные родители хотели выбить из него все дерьмо, подумал Кэл и обнаружил, что чувствует себя менее виноватым в этом, чем ожидал.

"Да, плохо", - сказал Рич. "Но в суд они попали не из-за этого". Он перевернул газету, и там оказалась фотография комнаты, металлической пружинной кровати с полностью сгоревшим матрасом и почерневшим полом. Он увидел, как Кэл взглянул на него, а затем добавил. "Я просто разговариваю сам с собой, Кэл, помни. И если ты случайно оглянешься и увидишь что-нибудь..."

"Верно", - сказал Кэл. "Итак, был пожар".

Рич Терлис сглотнул, и его щеки дрогнули. Его глаза опустились на фотографию и снова поднялись. "Я должен сказать. Согласно показаниям матери, отец облил мальчика бензином и поджег".

Кэл на мгновение замолчал, слегка нахмурив брови. "Никто не поджигал Бобби", - утверждал он.

"Мальчик. О каком мальчике мы говорим?"

"Прекрати это дерьмо, Рич!" Кэл огрызнулся, повысив голос до уровня, который он использовал на кафедре. "Мы оба знаем, о ком идет речь. И никто тебя за это не тронет. Я здесь важный человек. Мы оба это знаем. Так что давайте покончим со шпионской рутиной. Никто не поджигал Бобби. Я видел в новостях мальчиков, которые сгорели. У них ожоги по всему телу. Они изуродованы. А на Бобби нет ни царапины".

"Я просто говорю вам то, что написано в отчете", - сказал Рич, выглядя одновременно испуганным и встревоженным. Его, казалось, возмущало, что его многолетний пастор говорит таким тоном.

"Это полная чушь", - рявкнул Кэл. "Ты что, думаешь, я дурак? У вас есть дело какого-то другого мальчика".

"Все, что на нем было, сгорело. Его одежда, полностью уничтожена. И комната тоже. Но это был он, Кэл. У меня есть правильное досье. Кто-то поджег этого мальчика, но по милости Божьей..."

"Ха!" Кэл снова опустился в кресло и закатил глаза. "Бог! Действительно. Бобби благословен, так вы утверждаете? Что то, о чем мы говорим, является настоящим чудом?"

Рич опустил глаза. "Ну, я не знаю... Судмедэксперт подумал, что, возможно, огонь сжег одежду Бобби, и..."

"Ерунда", - хмыкнул Кэл, скрестив руки. "Отец, что он мог сказать по этому поводу? Он был сумасшедшим, верно? Его отправили в психушку. Он, наверное, сжег кучу одежды, которую считал своим сыном". Какая-то часть его души, которую он никогда не признал бы вслух, почти возмущалась тем, что Бобби не сожгли.

Рич медленно покачал головой и перелистнул еще несколько фотографий на страницу с показаниями. "Нет, Кэл. Отец дал показания - я имею в виду, они не считали его сумасшедшим до этих показаний. Отец сказал, что он специально поджег Бобби и убедился, что это был он. Но хотя мальчик горел, он был невредим, просто встал с кровати и ушел". Он перевернул страницу. "И он сказал, что сжег его, потому что... ну... во благо". Его голос прервался.

"Что он сказал?" спросил Кэл.

Рич поднял на него глаза. Его щекастое лицо побледнело. Его рот дрожал, когда он пересказывал последние слова из стенограммы, не опуская глаз на страницу - достаточно было одного взгляда.

Он сказал: "Мой сын - дьявол, и он здесь, чтобы делать работу дьявола". '"

Кэл протянул руку и смахнул папку со стола, отправив ее в падение с воздушным треском разлетающихся бумаг. Когда Рич протянул руку, чтобы удержать его руку, Кэл отдернул ее. Он повернулся и бодро вышел из комнаты, не прощаясь с Ричем Терлисом, которого он больше не ожидал увидеть ни на одной из своих служб. Он обиделся на Рича Терлиса за то, что тот позволил Бобби довести себя до отчаяния, за то, что тот сторонился церкви из-за одного ужасного случая. Его возмущало бледное лунообразное лицо Рича, его желваки и то, что он, как актер из фильма ужасов, читал досье Бобби, стараясь нагнетать напряжение.

Он возмущался тем, что Рич заставлял его верить в это.

Кэл Стерлинг не верил. Он верил в деньги. Он верил в возможность управлять людьми. Он даже верил в силу церкви - как института. Но он никогда не верил в чудеса. В сверхъестественное.

И он не верил в дьявола. В этого рогатого, копытного, пахнущего серой карикатурного персонажа. Он никогда не верил даже в малую толику.

До сих пор. И Кэл ненавидел это. Он так отчаянно ненавидел это семя веры, что готов был сделать все, чтобы убить его. Если бы это означало устранить источник его сомнений...

Этот маленький ублюдок.

Он скользнул на переднее сиденье своего "Мерседеса" и захлопнул дверцу. Его пальцы до белых костяшек вцепились в руль, и он смотрел прямо перед собой, ничего не видя, а только

думая. Ванесса уже дала понять, что очень благоволит Бобби - даже больше, чем их родному сыну. Такая ситуация сложилась за последние месяцы. Она опекала Бобби, защищала его от обид и репрессий, сопротивлялась попыткам Кэла изменить его поведение. Она никогда не позволит ему отослать мальчика, это было совершенно ясно. Ему нужно было придумать план.

Может ли дьявол причинить вам вред, если вы не верите в него? Однажды девочка задала ему этот вопрос, и Кэл, не желая обидеть ее богатых и щедрых родителей, дал самый мягкий ответ. Теперь он задал его самому себе, разочарованно хмыкнул и выкинул вопрос из головы, не став его больше обдумывать.

Он включил передачу и поехал домой.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://erolate.com/book/4046/121160